

⚓ ВЯЧЕСЛАВ ГОТ ⚓
ПОПАДАНЕЦ
ЦУСИМА:

СПАСТИ ЭСКАДРУ РОЖЕСТВЕНСКОГО

ЗНАТЬ БУДУЩЕЕ —
НЕ ЗНАЧИТ
ИЗМЕНИТЬ ЕГО.
НО ПОПЫТАТЬСЯ
ОБЯЗАНЫ!

ИСТОРИЯ НЕ ПРОЩАЕТ ОШИБОК.
ЦУСИМА МОЖЕТ СТАТЬ ДРУГОЙ!

Вячеслав Гот

Попаданец. Цусима: Спасти эскадру Рожественского

<https://litres.ru/73994288>

SelfPub; 2026

Аннотация

Май 1905 года. Воды Цусимского пролива уже ждут одну из самых страшных катастроф в истории русского флота.

Алексей Воронцов — бывший морской офицер и историк XXI века — приходит в себя на борту броненосца «Князь Суворов» за несколько недель до рокового сражения. Он знает будущее. Знает, что тысячи моряков погибнут, лучшие корабли Российской империи отправятся на дно, а поражение станет национальным позором на долгие годы.

Но можно ли изменить историю?

Чтобы спасти эскадру адмирала Рожественского, Алексею предстоит убедить офицеров, разгадать интриги штаба, подготовить корабли к бою и найти способ переиграть японского адмирала Того. Однако любое вмешательство меняет ход событий, а цена ошибки измеряется не только жизнями моряков, но и судьбой всей Российской империи.

Сможет ли один человек переписать историю Цусимы? Или море всё равно потребует свою кровавую дань?

Альтернативная история, морские сражения, броненосцы, офицерская честь и борьба против неизбежной судьбы.

Содержание

Пролог. Тот самый пролив	5
Глава 1. Очнуться в броне	14
Глава 2. Балтийское болото	22
Глава 3. Цена пророчества	31
Глава 4. Штабные крысы	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Вячеслав Гот

Попаданец. Цусима: Спасти эскадру Рожественского

Пролог. Тот самый пролив

Октябрь 2023 года. Залив Петра Великого, Японское море.

— ...три... два... один... Есть захват цели!

Голос гидроакустика прозвучал в наушниках как приговор. Алексей Воронцов, капитан-лейтенант запаса, приглашенный на частные учения в качестве исторического консультанта, невольно подался вперед. Мониторы сканеров морского дна мерцали зеленым — и там, в ста восьмидесяти метрах под килем, проступали очертания.

Корабль.

Огромный, искореженный, накренившийся на левый борт. Он лежал на илистом дне словно раненый зверь, которого море добивало целых сто восемнадцать лет.

— Это он, — выдохнул Алексей, хотя знал наверняка. — Броненосец «Князь Суворов». Флагман Второй Тихоокеанской.

Частная экспедиция «В поисках Цусимы» шла к этому

дню два года. Два года грантов, бюрократических согласований с японской стороной, двухсоттысячных подводных дронов и нервотрепки. И вот — цель.

На маленьком научно-исследовательском судне «Исток», покачивающемся на поверхности, стояла тишина. Семь человек — пятеро членов экипажа, Воронцов и его старый друг, океанолог Коля Серегин — не отрываясь смотрели в мониторы.

Сначала был просто силуэт. Затем, по мере того как дрон «Марлин-6» опускался ниже, проявились детали.

Орудия главного калибра — двенадцатидюймовки — смотрели в пустоту дулами, изогнутыми как цветы после пожара. Башни были сорваны с погонов, надстройки смяты в гармошку. Боевая рубка, та самая, где адмирал Рожественный получил свою смертельную рану, зияла рваной черной дырой.

— Господи, — прошептал капитан «Истока», старый камчатский волк Степаныч, крестясь. — Как же их там... мяло.

— Восемь торпедных попаданий, — автоматически, наизусть, произнес Воронцов. — И это только добивавшие. До этого — три сотни снарядных. Японцы расстреливали «Князя» как мишень на полигоне. Экипаж до последнего тушил пожары и отстреливался из... из того, что осталось.

Он замолчал. Комок подкатил к горлу.

Алексей посвятил Цусиме пятнадцать лет жизни. Две диссертации — кандидатскую и докторскую. Монографию, ко-

торуя ругали «нормальные историки» за излишнюю эмоциональность. Он знал имена матросов с «Князя Суворова». Он помнил, как звали корабельного попа (иеромонах отец Диодор, смывший грехи перед боем с трехсот человек). Он мог перечислить все двенадцать попаданий в боевую рубку — последнее как раз снесло полголовы лейтенанту, принявшему команду на себя.

— Алексей, у тебя слеза, — тихо сказал Коля.

Воронцов дернул щекой.

— Извините. Архивная крыса. Я...

Он не договорил. На экране «Марлина» что-то изменилось.

Изображение, до того четкое и цифровое, вдруг дернулось, покрылось рябью, будто старый аналоговый телевизор в грозу. Системы дрона показывали штатную работу — температура, давление, батарея в норме. Но картинка...

— Помехи, — деловито сказал оператор, парень лет двадцати пяти, щелкая тумблерами. — Ионная аномалия или... хрен знает. Может, остаточная намагниченность металла.

— Намагниченность не так рябит, — возразил Степаныч.

Алексей поднялся со своего места у пульта. Тело вдруг стало чужим. Душным. В рубке запахло странно — не мазутом, не озоном, а... гарью. Горелым лаком и порохом.

В голове зашумело.

— Коля, — позвал он хрипло. — Ты чувствуешь?

— Что именно? — друг обернулся, и лицо у него было

бледным. — Странный запах... да. Может, проводка?

— Нет. Это Цусима, — прошептал Воронцов. — Они там еще горят. Слышишь? Сто восемнадцать лет прошло, а сталь помнит.

На экране рябь превратилась в кисель. Сквозь помехи пробивались — нет, не могло быть — силуэты. Людей. Десятки людей на палубе, которая минуту назад была руиной. Они бежали к бортам, прыгали в воду, падали, сбиваемые осколками. Не было слышно криков — словно немое кино. Но Воронцов понял, что они кричат.

— Отключай! — заорал оператор. — Сергей, отключай к чертям! «Марлин» сам себе ищет частоту, это запрещено!

— Не может дрон сам...

— Я сказал — отключай!

Рубка заполнилась звоном. Высокочастотным, нудным, от которого занули пломбы. Степаныч выругался и рванул аварийный рубильник. Экран погас. Звон прекратился.

Стало тихо. Слышался только стук дождя по рубке — начинался осенний шторм.

— Что это было? — выдохнул оператор, трясущимися пальцами крутя регулятор.

— Аномалия, — глухо сказал Степаныч, не глядя на Воронцова. — Бывает. Тем более здесь. Место массовой гибели людей. Физика... еще не все знает о таких местах.

Алексей не слушал. Он стоял, прислонившись к переборке, и смотрел в одну точку. Перед глазами все еще стояла

картинка — та, последняя, сквозь помехи.

Он успел увидеть нечто, чего не было на архивных схемах.

Офицер на мостике «Князя Суворова». Не израненный, не умирающий. Стоящий прямо, с биноклем у глаз, разворачивающийся к нему, к Воронцову, словно сквозь время.

У офицера было его лицо.

— С вами все в порядке? — Степаныч похлопал его по плечу.

— Да... — Алексей протер глаза. — Да. Просто... переволновался.

Он решил, что это галлюцинация. От недосыпа, от кислорода, от двух лет напряжения. Потом — удивительно, как цепляется разум за рациональное — вспомнил, что сегодня ровно сто восемнадцать лет со дня Цусимского сражения.

14 мая по старому стилю.

27 мая — по-новому.

Сегодня было 27 октября.

— Нет, — вслух поправил он себя. — Это просто совпадение.

Дальнейшее он запомнил плохо.

Был ужин в кают-компании, где все нервно смеялись и пили коньяк «за упокой души адмирала Рожественского». Был спор — включать ли повторно дрона. Был шторм, усилившийся к полуночи.

А потом — короткое, страшное.

Взрыв газа? Неисправность в машинном отделении? Он

так и не узнал. Просто в 2:15 ночи «Исток» разорвало изнутри. Польшнуло так, что небо над Японским морем стало белым.

Воронцов летел в ледяную воду, чувствуя, как осколки прожигают спину. Вода — обжигающе холодная, даже в гидрокостюме. Темнота, масляная пленка на поверхности, запах солянки и крови.

Последнее, что он увидел, теряя сознание, было не звездами.

Над волнами, там, где не могло быть ничего, кроме штормовых туч, медленно, как в замедленной съемке, проступал силуэт. Броненосец. «Князь Суворов» — но не ржавый скелет на дне. Живой. Идущий под всеми парами. И с его труб валил черный, густой дым — дым, которого не было сто семнадцать лет.

— Принимай, — прошептал Алексей, теряя сознание. Море сомкнулось над ним. — Я иду...

И провалился.

В себя он пришел от качки.

Грубой, неуклюжей, деревянной — совсем не такой, как на «Истоке». Койка была жесткой, пахло мазутом, медью и потом. Где-то над головой орала дудка боцмана, и голос — старый, прокуренный, матерящийся сквозь носоглотку — орал:

— Подъем, шкуры! Вахта через пятнадцать минут! Кому сказано — вверх!

Алексей открыл глаза. Над ним был крашенный белой краской потолок с трещиной. Рядом — стальной шкафчик с кодовым замком, которого в XXI веке не ставили. На стене — медный кронштейн для лампы, и лампа была не светодиодная, а керосиновая.

Он сел на койке. Рука сама нащупала на груди не спасательный жилет, а брезентовую робу с погонями. Погоны были синие.

На погонах — две золотые полосы и якорь.

Лейтенант.

Он медленно, боясь подтверждения, выглянул в иллюминатор.

Там, за толстым, в два пальца, стеклом, шла вода. Серая, холодная, волжская — нет, не Волга. Соленая. Морская.

И прямо по курсу, рассекая волну, шел другой корабль. Такой же старый, угловатый, с низкими бортами и неуклюжими башнями. Корабль, который он никогда не видел вживую, но знал по фотографиям из каждого учебника.

Броненосец «Орел».

Воронцов закрыл глаза. Открыл снова. «Орел» никуда не делся.

— Сука, — выдохнул он тихо, по-русски, потому что другие слова кончились. — Сука-а-а...

Значит, не галлюцинация. Значит, та аномалия в проливе была не помехой. Значит, море все-таки взяло его в долг.

Он — Алексей Воронцов, капитан-лейтенант запаса Рос-

сийской Федерации, доктор исторических наук, человек, знающий о Цусиме больше, чем любой живущий — сейчас находился на борту эскадренного броненосца «Князь Суворов».

А за бортом было пятнадцатое мая тысяча девятьсот пятого года.

До рокового сражения оставалось двенадцать дней.

Где-то глубоко в трюмах, на третьей палубе, за тонкой переборкой, звякнула церковная посуда — судовой священник готовился к молебну. За бортом размеренно били волны. И весь этот адский механизм — почти пятьдесят кораблей, восемнадцать тысяч матросов и офицеров, сотни тонн угля и тысячи снарядов — двигался на восток.

Навстречу своей гибели.

Алексей Воронцов, который знал будущее, не мог больше ничего отрицать.

Море дало ему второй шанс.

Вопрос был только в том — проклятие это или благословение.

А на столике у койки лежала потертая карта. На полях карты чьим-то твердым, командирским почерком было выведено: «Цусимский пролив. Май 1905». И ниже, уже карандашом: «Здесь будет бой».

Воронцов взял карту дрожащими пальцами и вдруг усмехнулся — горько, по-мальчишечьи.

— Не будет, — сказал он пустой каюте. — Не здесь. Не

так. И не с вами, адмирал Того.

Он не знал, как именно он это сделает.

Но он знал — придется.

Глава 1. Очнуться в броне

Первое, что он ощутил — запах.

Так не пахло ни одно судно двадцать первого века. Ни один музей, ни одна отреставрированная «Аврора». Это был сложный, удушливый коктейль из сотен компонентов: перегретого машинного масла, каменного угольного газа, пропитанной потом робы, старой краски с примесью свинцовых белил и — чуть уловимо — дохлой крысы где-то за переборкой.

Воронцов закашлялся.

Вторым было осознание — он лежит на чем-то невероятно жестком. Койка. Узкая, деревянная, с матрасом, набитым чем-то вроде морской травы. Военный флот, даже спустя сто двадцать лет, не баловал комфортом, но такого... такого не было даже в казармах Кронштадта.

— Господи Иисусе, — прошептал он, садясь.

Голова гудела. Не похмельной тяжестью — нет. Это был звонкий, пульсирующий гул, будто его череп использовали в качестве барабана. В ушах все еще стоял взрыв «Истока» — или ему только казалось? Или эти звуки перемешались с чем-то другим, старым, записанным на подкорку историка?

Он открыл глаза.

Каюта была крошечной. Три шага вдоль, два поперек. Обшивка — выкрашенный в противный бледно-зеленый цвет

металл, местами поцарапанный, со следами какой-то въевшейся грязи. Потолок — низкий, с пучками проводов, обмотанных тряпками вместо изоляции. Иллюминатор — круглый, толщиной с ладонь, с накинутой сверху брезентовой шторкой.

Через щель между шторкой и рамой пробивался серый, неприветливый свет.

— Бред, — сказал он вслух.

Голос прозвучал глухо. Чужой. Или свой? Он не мог понять. Осторожно поднес руку к лицу. Рука была... не его. Ну, то есть его, но не совсем. Чужая кожа — сбитые костяшки, мозоли на ладони, коротко остриженные ногти. Не пальцы кабинетного ученого, вечно пахнущие архивной пылью. Пальцы человека, который тянул канаты, крутил штурвалы и драил медь.

Погоны.

Он только сейчас заметил их накинутыми на спинку стула — синяя суконная роба с двумя золотыми нашивками и якорем. Лейтенант российского императорского флота. Образца... какого года? Он перевел взгляд на лежащие рядом брюки клеш и тельняшку — не тельняшку, а тельник, как называли тогда. Шерстяной, грубый, колючий.

На брюках — пятна мазута.

— Охренеть, — выдохнул Алексей по-русски, с чисто двадцать первого века интонацией. — Я охренеть как влип.

Он встал. Каюта качнулась вместе с ним — нет, не каю-

та. Корабль. Они шли с небольшой волной, мерной, укачивающей зыбью. Не шторм, но ощутимо. Палуба под ногами вибрировала — где-то глубоко внизу, в недрах броненосца, работали паровые машины.

Сотрясение было особым. Не ровный гул турбин, которые он слышал на фрегатах, а стаккато поршней. Тук-тук-тук-тук — с металлическим отзвуком, от которого закладывало уши.

Он подошел к иллюминатору. Откинул шторку.

Серое небо. Серое море. И прямо перед ним, в каких-то двух кабельтовых — корма огромного, неуклюжего силуэта. Четырехтрубный броненосец, с низкими бортами, характерным «бушпритным» носом и башнями главного калибра, разнесенными по концам.

«Орел».

Он узнал его мгновенно. Третья фотография в его докторской диссертации, подпись: «Эскадренный броненосец "Орел" типа "Бородино". Погиб в Цусимском сражении». Только сейчас он был не на архивной карточке. Он был здесь. Живой. Идущий.

Воронцов медленно опустился на табуретку, единственный предмет мебели в каюте, кроме койки и стола.

Так. Дыши. Дыши, мать твою.

Логика подсказывала: он спит. У него травматический шок после взрыва, он в коме, и его мозг рисует самую детализированную галлюцинацию в истории человечества. Но

галлюцинации не пахнут. Они не вибрируют. И у них нет погонов с якорем, которые можно пощупать.

Он встал, подошел к столу. На столе лежало несколько предметов. Медная чернильница с перьевой ручкой — бронзовое перо засохло, чернила превратились в смолу. Штурманский журнал в кожаном переплете. Карта — та самая, из пролога. И потрепанный конверт из грубой бумаги.

Он взял конверт. Надпись каллиграфическим, старомодным почерком:

«Его благородию поручику Алексею Григорьевичу Воронцову».

Поручик. В морской артиллерии тогда были поручики, да. Открыл — внутри лежало письмо, сложенное втрое. И фотография. Карточка 9 на 12, сепия, наклеенная на картон. Женщина — молодая, красивая, с высокой прической, в платье с турнюром. На обороте — подпись: «Всегда твоя, Наташа. Жди».

— У тебя, значит, невеста, — пробормотал Воронцов. — Или жена. Или... Кто ты вообще, Алексей Григорьевич?

Мысль была дикой. Он не просто попал в прошлое — он занял чье-то место. Затер личность. В исторических романах такое случалось сплошь и рядом, но сейчас, наяву, от этого мурашки бежали по спине.

Фотография Наташи выскользнула из пальцев и упала на пол — стеклянная, хрупкая, музейная вещь. Он поднял ее дрожащими руками.

— Извини, — прошептал он женщине, которой никогда не видел. — Я не знаю, смогу ли я тебя дождаться.

Потому что «Князь Суворов», на котором он находился, по оригинальной истории, должен был погибнуть через двенадцать дней. Со всем экипажем. С этим поручиком, который почему-то теперь был им. С этой каютой, с этим запахом мазута и с этой фотографией.

На палубе над головой раздался топот десятков ног. Крики — отрывистые, командные. Матросы бежали к своим местам — видимо, учебная тревога.

— Подъем! Подъем! — заорали на баке. — Боевая тревога! Ложная, сукины дети! Но если не добежите за пять минут — устрою настоящую!

Голос был пропитан матом так густо, что двадцать первый век показался бы детским садом. Воронцов усмехнулся — произвольно. Флот не меняется. Что тогда, что сейчас — старпомы одинаковы.

Он подошел к двери каюты. Рука легла на медную ручку. Осталось сделать шаг — и он выйдет в коридор броненосца 1905 года. Увидит этих людей. Заговорит с ними. И начнется самое сложное.

— Ты — историк, Воронцов, — сказал он себе вполголоса. — Ты знаешь каждый маневр, каждое попадание, каждую ошибку. Ты знаешь, что должен сделать. Но главное — ты знаешь, чего делать нельзя.

Он глубоко вздохнул, чувствуя, как легкие наполняются

этим тяжелым, пряным воздухом эпохи.

— Скажешь им правду — посадят в карцер как сумасшедшего. Скажешь полуправду — не поверят. Скажешь нужное под видом догадок — могут услышать. Шах и мат, Алексей Григорьевич. Игра началась.

Он открыл дверь.

Коридор тонул в полумраке. Электрические лампочки — редкие, тусклые, по моде тех лет — горели через одну. Воздух был еще тяжелее, чем в каюте: запах угольной пыли смешивался с запахом вареной капусты из камбуза и кислого пота. Переборки справа и слева — со шпангоутами, заклепками, маслянистой на ощупь краской.

По коридору шел офицер. Высокий, сутулый, с усталыми глазами. Темно-синий китель, золотые пуговицы, нашивки мичмана. Увидел Воронцова, кивнул, проходя:

— А, Воронцов. Доброе утро. Адмирал спрашивал нового штурманского счисления. Ты вчера его не сдал.

Голос — безразличный, усталый. «Еще один, — подумал Воронцов. — Еще один, который умрет через двенадцать дней. Или нет?»

— Сделаю, — ответил он как можно спокойнее. — Через час.

— Давай. Рождественский не любит ждать. — Мичман прошел мимо, скрылся за поворотом.

Воронцов остался стоять посреди коридора. Один. В броне чужого времени, с чужими погонами на плечах и чужой

судьбой, которая сжималась вокруг него, как удавка.

Где-то далеко впереди, в адмиральской каюте, сидел Зиновий Петрович Рожественский. Человек, которого история сделала козлом отпущения. Человек, который вывел эскадру через три океана на верную смерть, потому что не мог отказаться от приказа — идти и умереть.

— Ну что ж, Зиновий Петрович, — прошептал Воронцов в темноту коридора. — Поговорим. У меня для вас есть несколько идей по модернизации тактики. И, честно говоря, парочка возражений против линии фронта под прямым углом.

Он двинулся вперед, туда, где по плану броненосца находился центральный пост.

— Ах да, и про дальномеры у вас надо поговорить. И про снаряды. И про ночные атаки. И про маневры. В общем, Зиновий Петрович — я ваш новый кошмар. И, возможно, единственный шанс.

Шаги гулко отдавали от стальных переборок. Корабль жил своей привычной жизнью: где-то ворочали уголь кочегары, на камбузе гремели котлами, а на мостике вахтенный лейтенант смотрел в бинокль на пустой горизонт.

Они не знали, что горизонт этот вовсе не пуст.

Они не знали, что японский флот уже вышел из Мозампо.

Но Воронцов знал.

— Двенадцать дней, — прошептал он уже в который раз.

— Двенадцать дней, чтобы переиграть историю. Никто не

делал ничего подобного. Но, с другой стороны — никто и не знал будущего.

Он усмехнулся.

— Спокойной ночи, адмирал Того. Вы даже не представляете, с кем вам предстоит встретиться в Цусимском проливе.

Коридор закончился трапом. Воронцов начал подниматься вверх, в серый свет майского утра 1905 года.

На палубе его встретил соленый ветер.

И он понял — назад дороги нет.

Глава 2. Балтийское болото

Воронцов поднялся на верхнюю палубу и на минуту ослеп.

После полумрака внутренних коридоров серый свет показался невыносимо ярким. Он зажмурился, сделал шаг, уперся в поручень. Ветер — резкий, соленый, с влажным дыханием близкого шторма — ударил в лицо.

Когда глаза привыкли, он увидел эскадру.

И ахнул.

Он видел Цусиму на схемах. Он знал количество кораблей, их типы, тактико-технические характеристики. Но видеть это живым, движущимся, дымящим — было совсем другим.

Восемь эскадренных броненосцев шли двумя кильватерными колоннами. «Князь Суворов» — флагман — возглавлял правую. За ним, переваливаясь с волны на волну, тянулись «Александр III», «Бородино», «Орел». Слева — вторая группа: «Ослябя», «Сисой Великий», «Наварин», «Адмирал Нахимов». Между ними, в кильватере и на траверзах, мельтешили крейсера — «Аврора», «Дмитрий Донской», «Олег», «Светлана». Девять миноносцев держались сзади, как щенки за стаей.

Дым стоял над горизонтом сплошной стеной.

— Господи, — выдохнул Воронцов. — Их же видно за

сорок миль.

Это был первый профессиональный шок. В двадцать первом веке корабли проектировали с учетом малозаметности. Здесь дымили так, будто хотели показать японцам дорогу. И уголь — дешевый, донбасский, с высоким содержанием серы — давал черный, густой, нерассеивающийся шлейф.

— Поручик Воронцов?

Он обернулся. Позади стоял матрос — молодой, лет двадцати, с бледным обветренным лицом и сползающим набок бескозыркой. На ленте бескозырки золотом: «Князь Суворов».

— Вас адмирал кличет, — сказал матрос, неловко козырнув. — Велели сыскать и доставить.

— Кто велел?

— Флаг-капитан. Их высокоблагородие Клавер. Сказали — немедленно.

Воронцов почувствовал, как к горлу подкатывает холод. Первая встреча с Рождественским. Легендарным, противоречивым, сломленным. Тем, кого современники называли «бешеным адмиралом», а потомки — главным виновником катастрофы.

— Проводи, — сказал он как можно спокойнее.

По пути к адмиральской каюте он пытался собрать мысли в кулак.

Что он знал о Рождественском? Зиновий Петрович, пятьдесят шесть лет. Боевой офицер — отличился в русско-ту-

рецкую, командовал батареей на «Весте». Потом — штабная работа, адмиралтейство, реформа флота. Человек сложной судьбы: его назначили командовать эскадрой, когда он уже подал рапорт об отставке по болезни.

Эскадра, которую ему дали, была убогой.

Старые корабли. Необстрелянные команды. Снаряды, которые не взрывались. Транспорты с углем, тащившиеся как черепахи. И приказ царя: «Идти во Владивосток любой ценой».

Рождественский знал, что идет на смерть. И все равно шел. Потому что офицерскую честь он ставил выше жизни.

— Человек, которого я должен убедить, — прошептал Воронцов, поднимаясь по трапу. — Человек, который никого не слушает. Шикарно.

Адмиральская каюта располагалась в кормовой части, под ютом. Два вестовых у двери вытянулись во фронт. Один — пожилой, с усами — распахнул дверь:

— Поручик Воронцов по вашему приказанию, ваше высокопревосходительство.

— Войдите.

Голос — низкий, с хрипотцой, привыкший командовать. Воронцов переступил порог.

Каюта оказалась просторной — метров тридцать, с дубовым письменным столом, книжным шкафом и диваном, обитым зеленым сафьяном. На стенах — портреты государя и навигационные карты. На столе — недопитый чай в стакане

с подстаканником, папиросница, ворох бумаг.

И сам адмирал.

Рождественский стоял у карты, развернутой на подставке. Он был высок — под два метра — и худ до изможденности. Мундир сидел на нем мешком, под глазами залегли темные круги, а короткая с проседью борода казалась неухоженной. Только глаза — карие, глубоко посаженные — горели нездоровым, лихорадочным блеском.

Болезнь. Воронцов вспомнил: у Рождественского была нев-растения, осложненная гипертонией. К маю 1905 года он уже почти не спал.

— Поручик, — адмирал даже не взглянул на него, продолжая водить пальцем по карте. — Вы штурман?

— Так точно, ваше высокопревосходительство. — Голос прозвучал ровнее, чем ожидал Воронцов.

— Тогда объясните мне, — Рождественский поднял голову, и взгляд его уперся в Алексея с силой физического давления, — почему вчерашнее счисление не сдано? Эскадра идет вслепую? Вы представляете, что будет, если мы налетим на рифы в тумане?

— Представляю, ваше высокопревосходительство. — Воронцов выдержал паузу. — Я закончу расчеты к полудню.

— К полудню? — Адмирал усмехнулся — недобро, одними уголками губ. — К полудню, поручик, мы пройдем мыс Шионоки. Если вы ошиблись на минуту — проскочите мимо. Я не люблю, когда штурмана ошибаются.

— Я не ошибусь, — сказал Воронцов.

Сказал и сам удивился собственной наглости. В оригинальной истории — если верить рапортам — штурмана «Суворова» ошибались постоянно. Эскадра шла зигзагами, теряла ориентиры, трижды чуть не села на мель у китайского побережья. Но сейчас, с его знанием карт и точных координат, которые он помнил из докторской диссертации...

Он действительно мог провести эскадру как по нитке.

— Смотрите, — Рожественский отвернулся к карте, давая понять, что аудиенция окончена. — Через час сдадите расчеты флаг-капитану. И не опаздывайте. Я не терплю людей, которые не умеют держать время.

— Слушаюсь.

Воронцов повернулся, чтобы уйти. Уже взявшись за медную ручку двери, он услышал:

— Постойте.

Он замер.

Адмирал стоял к нему спиной, но голос изменился — в нем появилась странная, незнакомая нотка. Усталость? Отчаяние?

— Вы, поручик, давно на флоте?

— Пять лет, ваше высокопревосходительство.

— И как? — Рожественский медленно повернулся. — Нравится?

Вопрос был странным. Неуставным. Воронцов не знал, что на него отвечать. Пять лет службы у поручика Воронцо-

ва — оригинального — были фикцией. Но он не мог сказать правду.

— Служу, — ответил он нейтрально.

— Служите, — Рождественский повторил слово, будто пробуя его на вкус. — Все служат. Мне во Владивосток нужно прийти. С эскадрой. — Он помолчал, потом добавил тихо, почти про себя: — Хотя бы с частью.

Воронцов понял вдруг, что видит перед собой не «бешеного адмирала» из учебников. Перед ним стоял человек, который уже проиграл. Который знал, что ведет тысячи людей на смерть, но не мог отказаться. Потому что отказаться — значило предать присягу. Предать царя. Предать флот.

А флот для Рождественского был не работой. Он был жизнью.

— Придем, ваше высокопревосходительство, — сказал Воронцов, и в голосе его прозвучало то, чего он не планировал: уверенность.

Рождественский поднял бровь.

— Откуда такая уверенность, поручик? Вы что, Бога за бороду держите?

— Нет, — Воронцов сделал шаг обратно в каюту. Сердце колотилось где-то в горле, но он уже не мог остановиться. — Я держу карту. Ваше высокопревосходительство, разрешите доложить соображения по маршруту?

— Докладывайте.

— Мы идем Цусимским проливом. Прямо. В лоб. — Во-

ронцов подошел к карте и ткнул пальцем в точку между Ики и Цусимой. — Японцы ждут нас именно здесь. Того уже вышел из Мозампо. Он будет маневрировать, пытаясь навязать бой на параллельных курсах. Если мы продолжим идти тем же порядком — он нас перестреляет, как уток. Потому что у него дальномеры лучше, снаряды лучше, подготовка лучше.

Рожественский слушал, не перебивая. Лицо его оставалось непроницаемым.

— Вы, поручик, — произнес он наконец, — кажется, забываетесь. Штурманам не положено рассуждать о тактике.

— Я не рассуждаю, ваше высокопревосходительство. Я предупреждаю.

Тишина повисла тяжелая, как свинцовый лист. Вестовые за дверью замерли. Сам воздух в каюте, казалось, перестал двигаться.

Потом Рожественский медленно, очень медленно, подошел к Воронцову вплотную. От него пахло лекарствами — валерианой, камфорой — и старым табаком.

— Я много чего слышал, поручик, — сказал он негромко. — И про то, что мы не готовы. И про то, что Того гений. И про то, что эскадру надо отозвать. Я слышал это от адмиралов с большими звездами на погонах. А теперь слышу от поручика, который не сдал вчерашнее счисление.

Он развернулся и резко шагнул к столу.

— Идите работайте. И больше не морочьте мне голову паникерами. У меня эскадра — вся паникерами больна. Ясно?

— Ясно, — выдохнул Воронцов.

Он вышел в коридор и прислонился к переборке. Ноги дрожали. Ладони вспотели. Разговор занял меньше пяти минут, но выжал его как лимон.

— Идиот, — прошептал он себе. — Идиот, кретин, самоубийца. Ну кто так делает? Ты должен был войти в доверие, а не лезть с правдой-маткой в первые пять минут!

Но где-то глубоко внутри затаилась крохотная надежда.

Рождественский не выгнал его. Не отдал приказ арестовать. Не повысил голос. Слушал. Пусть с презрением, пусть с раздражением — но слушал.

А значит, зерно упало в почву.

Осталось сделать так, чтобы оно проросло за двенадцать дней.

Вернувшись в свою каюту, Воронцов сел к столу, развернул штурманский журнал и начал писать расчеты. Пальцы привычно выводили цифры, координаты, углы.

Он писал одно, а думал о другом.

О том, что рассказать правду нельзя — сочтут сумасшедшим или шпионом. Что нужно действовать маленькими шагами: тактические советы под видом озарений, тренировки под видом инициативы, реформы под видом незначительных изменений.

И что самое главное — ему нужны союзники. На «Суворове», на других кораблях, в штабе. Люди, которые поверят. Или хотя бы выслушают.

Он поднял глаза на портрет молодой женщины — той, с фотографии. Наташа.

— Потерпи, Наташа, — сказал он ей. — Я постараюсь. И не только для тебя.

За бортом шумело море.

Эскадра шла на восток.

А где-то за горизонтом, в штабе японского объединенного флота, адмирал Того Хэйхатио раскладывал на столе русские карты и ставил флажки на точки будущих попаданий.

— Вы еще не знаете, старик, — прошептал Воронцов. — Вы еще не знаете, что ваш план только что немного усложнился.

Он перевернул страницу журнала и продолжил писать.

Впереди были долгие двенадцать дней.

Глава 3. Цена пророчества

Штурманские расчеты Воронцов сдал в одиннадцать утра. Флаг-капитан, полковник Клавер по корпусу — сухой, педантичный немец с бакенбардами — бегло просмотрел бумаги, хмыкнул и вымолвил лишь одно слово:

— Приемлемо.

Для Клавера это был высший комплимент. Но Воронцова сейчас волновали не похвалы.

Он стоял у правого борта, глядя на серую воду и пытаясь унять внутреннюю дрожь. После разговора с Рождественским он чувствовал себя так, будто добровольно сунул голову в пасть льву. Лев его не съел. Но мог.

— Не тем путем идешь, Воронцов, — пробормотал он себе под нос. — Не тем. Адмирала лобовой атакой не возьмешь. Нужно через командира.

Командир «Князя Суворова» капитан 1-го ранга Василий Васильевич Игнациус занимал каюту на палубу выше. Человек сорока пяти лет, крепкий, с проседью в аккуратно подстриженной бороде, он считался одним из лучших офицеров эскадры. В свое время плавал на «Петропавловске» вместе с адмиралом Макаровым, имел орден Святого Владимира за храбрость, пользовался уважением команды.

Но Воронцов знал об Игнациусе нечто, чего не знал больше никто на корабле.

По архивным документам, капитан «Суворова» в Цусимском сражении проявил чудеса героизма. Когда броненосец потерял управление, Игнациус остался на мостике и руководил тушением пожаров, пока осколок не разорвал ему живот. Он умер на руках матросов через два часа после того, как «Суворов» превратился в пылающий остов.

Умный, смелый, верный долгу.

И совершенно не готовый слушать поручика, который будет учить его воевать.

— А, Воронцов! — Игнациус встретил его в дверях каюты. — Флаг-капитан сказал, вы расчеты сдали. Хорошо. Проходите.

Каюта командира была обставлена добротнее адмиральской. Дорогая мебель, ковер на полу, медные бра на стенах. Пахло кожей и дорогим табаком.

— Садитесь, поручик. — Игнациус указал на стул, сам расположился напротив, положив руки на стол. — Зачем пришли?

Воронцов сел. Язык прилип к небу. Он готовил эту речь несколько часов, но сейчас, глядя в спокойные, чуть насмешливые глаза командира, все аргументы казались детским лепетом.

— Ваше высокоблагородие, — начал он, — у меня есть... соображения. По поводу предстоящего боя.

— Ого, — Игнациус откинулся на спинку стула. — Соображения? Поручик Воронцов — тактик? Интересно. Изла-

гайте.

— Я проанализировал действия японцев в прошлых сражениях. В Ялу, в Порт-Артуре. — Воронцов говорил быстро, боясь, что его перебьют. — У них четкая схема: сначала артиллерийская дуэль на дистанции 30-40 кабельтовых, потом сближение, потом массированная торпедная атака. Их главная сила — высокая скорострельность и фугасные снаряды. Они не пробивают броню, но вызывают пожары и разрушают надстройки.

Игнациус слушал с непроницаемым лицом. Потом медленно кивнул:

— Это известно любому офицеру, поручик. Что дальше?

— Дальше — мы идем на это. Прямо. Наша колонна подставит левый борт под продольный огонь. Японцы будут бить по нам, а мы сможем отвечать только носовыми башнями. Тактическое поражение заложено в самом построении.

— И что вы предлагаете? — В голосе Игнациуса появилось легкое раздражение.

— Поменять строй на подходе. Построить эскадру уступом, чтобы ввести японцев в заблуждение. Или разделить на две группы — «быструю» и «тихоходную». Или, если разрешите доложить адмиралу, идти ночью. Ночной прорыв уменьшит преимущество японцев в артиллерии.

Игнациус молчал несколько секунд. Потом встал, подошел к графину с водой, налил себе стакан, выпил. Медленно, демонстративно не торопясь.

— Воронцов, — сказал он, поставив стакан, — вы знаете, что за такие слова в военное время полагается?

— Трибунал, — выдохнул Алексей.

— Именно. — Капитан развернулся, и взгляд его стал жестким. — Вы, поручик, три недели назад сдали экзамен на чин. Вы служили на учебном судне, ни разу не были в бою. А теперь вы учите меня — кавалера пяти орденов, участника двух войн — как командовать броненосцем?

— Я не учу, ваше высокоблагородие, я предупреждаю. Эскадра не готова. Снаряды — их больше ста тысяч, и половина — с истекшим сроком. Дальномеры — их нет почти нигде. Комендоры стреляли всего два раза в море. Мы идем на бой, который проиграем. И у меня нет права молчать.

Игнациус приблизился. В нос ударил запах одеколона «Вербена» — капитан был франтоват даже в походе.

— У вас, поручик, есть право выполнять приказы. Запомните раз и навсегда: флот — не дворянское собрание. Мнения офицеров ниже командира корабля интересуют начальство только тогда, когда их спрашивают. Вас не спрашивали. — Он помолчал, потом добавил уже тише: — Я не знаю, кто напустил на вас эту панику. Может, курите что-то не то. Может, на гражданке начитались пораженческих газет. Но на моем корабле пораженческих настроений не будет. Ясно?

Воронцов молчал. Губы сжались в нитку.

— Не слышу! — рявкнул Игнациус.

— Ясно, ваше высокоблагородие.

— Вот и прекрасно. — Командир вернулся за стол и взял перо. — Идите. И больше не приходите ко мне с такой ерундой. В следующий раз я буду вынужден доложить адмиралу о вашей непригодности к штурманской должности. Берег, поручик, недалеко. Во Владивостоке споем.

Воронцов встал. Поклонился. Вышел.

В коридоре он прислонился к переборке и закрыл глаза.

Грудь сдавило. Не от страха — от бессилия. От понимания, что слова здесь не работают. Абсолютно. Все, что он знает — о тактике Того, о слабых местах «Микасы», о том, как нужно ставить дымовые завесы и на каких дистанциях русские бронебойные снаряды все-таки пробивают японскую броню — всё это разбивается о каменную стену флотского чинопочитания.

Он поручик. Его слово ничего не стоит.

— Так, — прошептал он, заставляя себя успокоиться. — Так, Алексей Григорьевич. Истерику отставить. Если слова не работают, нужны дела.

Он выпрямился, одернул китель и зашагал к трапу.

План — точнее, его жалкое подобие — начал вырисовываться в голове. Ему нельзя сейчас идти на конфликт. Нужно стать полезным. Нужным. Незаменимым. Тогда к его мнению начнут прислушиваться.

А пока — работать. Учить матросов. Исправлять то, что можно исправить без разрешения начальства. Создавать маленькие победы, которые в сумме дадут большой результат.

На баке он столкнулся с тремя матросами, чистившими медную арматуру.

— Ребята, — сказал он, не глядя на их удивленные лица. — Кто из вас умеет стрелять по чайкам из винтовки?

Матросы переглянулись. Тот, что помоложе, неуверенно поднял руку:

— Я, ваше благородие. В деревне из отцовской берданки бил.

— Отлично. — Воронцов достал из кармана блокнот и набросал схему. — Сейчас объясню вам кое-что про упреждение. Это вам пригодится. И не только при стрельбе по чайкам.

Он не мог изменить приказы адмирала. Но он мог сделать так, чтобы комендоры «Князя Суворова» перестали стрелять в белый свет как в копейку.

Это было мало.

Это было смехотворно мало.

Но это было хоть что-то.

Он начал чертить схему — простейшую, наглядную — объясняющую, как брать упреждение при стрельбе по движущейся цели. Матросы столпились вокруг, вначале недоверчивые, потом — заинтересованные.

Мимо проходил лейтенант — тот самый, из коридора. Остановился, посмотрел, покачал головой:

— Воронцов, вы бы штурманским делом занялись. А не черт знает чем.

— Занялся, — ответил Алексей, не поднимая головы. — Теперь вот матросов учу. Пригодится.

— Чему? Чайки здесь нелетные.

— Не чайки, — Воронцов поднял глаза. — Япошки. Они, знаете ли, быстрее чаек и гораздо злее.

Лейтенант хмыкнул и ушел. А матросы заулыбались — осторожно, краем губ. Кто-то из них — рыжий, конопатый, с огромными ладонями — тихо спросил:

— Ваше благородие, а вы в бога верите?

Вопрос был неожиданным. Воронцов на секунду задумался.

— Верю, — сказал он. — Потому что только чудо может нас спасти. А чудеса, братцы, иногда случаются.

— Случаются, — кивнул рыжий. — А вы, я гляжу, человек справный. Не то что иные...

— Иные, — перебил Воронцов, — это наши начальники. Об них — ни слова. Понял?

— Понял.

Но матросы переглянулись. Что-то в этом странном поручике было. Необычное. Взгляд — не как у других офицеров. И слова — не как у других.

Они еще не знали, что через двенадцать дней им предстоит смотреть смерти в лицо. А этот поручик, может быть — только может быть — знал.

И от этого знания у него дрожали руки.

Но дрожать было некогда.

Он снова склонился над чертежом.

— Итак, упреждение зависит от скорости цели. Вот формула. Запомните ее, как «Отче наш». Записывайте.

Вечерело.

Эскадра шла на восток, оставляя за кормой черный дымный след.

А Воронцов учил матросов воевать. Тайком. Потихоньку. Мелкими шажками.

Потому что другого способа изменить будущее у него не было.

Глава 4. Штабные крысы

Утро следующего дня Воронцов начал с обхода.

Он бродил по броненосцу, заглядывая в самые неожиданные места — не в кают-компанию и не на командный мостик, куда по уставу стремились молодые офицеры. Он спустился в трюмы. Полез в крюйт-камеры. Забрался в угольные ямы. Проторчал полчаса в машинном отделении, где ничего не понимал в поршнях и котлах, но внимательно слушал ворчание механиков.

К полудню у него в блокноте было исписано четырнадцать страниц.

Цифры, цифры, цифры. Они складывались в страшную картину.

Первое: уголь.

Эскадра брала в Цусимский пролив почти две с половиной тысячи тонн угля — на триста больше проектной нагрузки. Броненосцы сидели в воде так глубоко, что броневой пояс уходил под воду, оголяя небронированные борта. Японские фугасы, попадая в эту уязвимую зону, могли наделать страшных дел.

— Дополнительный уголь, — бормотал Воронцов, глядя в блокнот. — Это смерть. Но если его сбросить в море, мы не дойдем до Владивостока. Дилемма, мать ее...

Второе: комендоры.

Он специально пришел на учебную тревогу. Зрелище было удручающим.

Команды орудий — brave, старательные мужики — заряжали и наводили пушки с отчаянной самоотдачей, но делали это медленно. Очень медленно. Четыре выстрела в минуту против восьмидесяти у японцев. И точность — убогая.

Он попросил разрешения у старшего артиллериста (который сначала посмотрел на него как на таракана) провести импровизированные соревнования между расчетами. Поставил на воду бочку, дал каждому расчету по три снаряда — учебных, конечно.

Результат: из девяти выстрелов в бочку попали... два.

— Первый раз в море стреляем, ваше благородие, — оправдывался рыжий матрос по фамилии Телегин, тот самый, с которым он говорил на баке. — В Балтике только учения на полигоне были. А тут волна. И дистанцию мы на глаз берем — дальномеров-то нету.

Воронцов стиснул зубы.

Дальмеры. Отдельная песня. На «Суворове» был один — системы Барра и Струда, английская, капризная. Пока ею научишься пользоваться, пока определишь дистанцию — японцы успеют три залпа дать.

— А что за снаряды у нас? — спросил он у артиллерийского офицера, лейтенанта Петрова-Соколовского, молодого, с усиками и вечно недовольным лицом.

— А вы не знаете? — Петров-Соколовский усмехнулся.

— Бронебойные. Каморные. С дымным порохом.

— С дымным?

— Ну да. Бездымный только в патронах для винтовок. А для орудий — дымный. Эффект, сами знаете — после трех выстрелов ничего не видно, вся палуба в дыму.

Воронцов знал. Он об этом писал в диссертации. Японцы использовали бездымный порох «шимоза» — который, кстати, был еще и фугасным, давал массу осколков. Русские же снаряды после попадания часто не взрывались вообще — «чемоданы», презрительно называли их матросы.

— Слышал, — добавил Петров-Соколовский с кривой усмешкой, — что в Петербурге на складах есть и бронебойные с мелинитом. Но нам не дали. Побоялись, видите ли, что по дороге рванут.

Вот так: они шли в бой с тем, что дали. А дали им заведомо худшее.

Воронцов спустился в канцелярию — крошечную каморку рядом с кают-компанией. Там, склонившись над бумагами, сидел штабс-капитан по адмиралтейской части, Николай Павлович Щеглов — человек неопределенного возраста, с вечно испачканными чернилами пальцами и умными, грустными глазами.

Щеглов ведал бумажной стороной жизни эскадры: припасы, продовольствие, обмундирование, медикаменты. В иерархии флота его должность считалась тыловой, «крысиной», и настоящие боевые офицеры поглядывали на него

свысока.

Но для Воронцова Щеглов был золотом.

— Николай Павлович, — Алексей присел на краешек стула. — Помогите мне. Нужно понять, что у нас есть на самом деле. Не по рапортам — по факту.

Щеглов поднял глаза. В них зажглось любопытство — осторожное, но неподдельное.

— А вам зачем, поручик? Вы, кажется, штурман.

— Штурман, — согласился Воронцов. — Но я хочу, чтобы мы все остались живы. А для этого нужно знать правду.

Щеглов помолчал. Потом медленно, словно решившись, развязал тесемки на папке, лежащей под столом.

— Вот, — сказал он, выкладывая несколько листов. — Секретные ведомости. Только никому ни слова. Я и так на себя грех беру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.